

Олег Губарь

Функции Одесского строительного комитета

в контексте истории градостроительства
Одессы*

Армянский квартал

Мой друг и конфидендент, искусствовед В.С. Голубовская, уже давненько стимулирует занятия этнической историей Одессы. Некоторое время назад Валентина Степановна совершенно справедливо напомнила строфу из «Путешествия Онегина», где упоминаются одесские армяне, и спросила, отчего же, собственно, нет никаких мало-мальски серьезных исследований на эту тему.

Напоминаю читателям этот хрестоматийный уже фрагмент:

Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,
Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый,
И сын египетской земли,
Корсар в отставке, Морали.

Действительно, ранняя история армянской общины практически не изучена. Это связано со многими объективными обстоятельствами, в том числе с распыленностью даже имеющейся относительно скудной информации по многим архивным фондам и другим первоисточникам. Мои же интересы охватывают биографию плановой застройки Одессы и быта, а следовательно, этническое районирование – когда оно наблюдается. Следуя

* Продолжение. Начало в кн. 35-41, 43, 45-47, 49, 50, 54-57.

в этом русле, понемногу стал замечать наличие ареала раннего армянского присутствия, каковой и назвал условно *Армянским кварталом*.

Так разрозненные архивные документы, отрывочные сведения в постороннем контексте складывались в многокрасочную мозаику. Выяснилось, что армяне появились в Одессе неспроста, что нарождающийся город был для них и привлекателен, и комфортен, и дружелюбен, а участие в его становлении, пусть локально, но охватывало не только те сферы быта, которые традиционно согласуются с жизнью армянских горожан.

Не скажу ничего особо оригинального: первые одесские армяне – выходцы из Григориополя. История этого города в Приднестровье тоже не составляет загадки: Григорий Потемкин, архиепископ Иосиф Аргутинский, «араратский посол» Степан Давтян (его полный тезка – мой большой друг, любимец одесситов, солист оперы и художник), архимандрит Григорий Захарян, переселение армян из Килии, Измаила и в целом из Румелии, то есть европейских владений Оттоманской Порты. Этому способствовало участие турецких армян в боевых действиях российской армии. На аутентичном памятнике Степану Давтяну прямо написано: «собирал в Бессарабии ополчение из армян».

Разумеется, торговый путь пролегал от чуть ранее устроенного Григориополя к Одессе. И тут надо подчеркнуть то важное обстоятельство, что первые одесситы и первые граждане Григориополя были, что называется, одной крови, поскольку среди одесских первопоселенцев находим множество выходцев из Румелии – греков, валахов, молдаван, южных славян. То есть стилистически юная Одесса целиком соответствовала запросам григориопольских армян. Я уже не говорю о том, что в городе довольно рано обосновались такие знаковые фигуры, как племянник архиепископа Иосифа – князь Давид Борисович Аркудинский-Долгоруков и все его многочисленное потомство, князя Манук-Бей и другие.

Когда присутствие одесских армян фиксируется уже не только во временном пребывании и совершаемых здесь коммерческих операциях? Переформулируем: когда присутствие армян в Одессе подкрепляется наличием недвижимости, какого рода эта недвижимость, наконец, какова ее топография?

Проработав много лет с архивными фондами Одесского строительного комитета, Канцелярии одесского градоначальника, Одесской городской думы, Одесского магистрата и др., могу на сегодняшний день назвать первым владельцем значимой недвижимости представителя очень известной впоследствии фамилии – григориопольского гражданина Акима (Якима) Асфадорова (Асвадунова). Еще в пору пребывания в должности герцога Ришелье, летом 1814 года, Асвадунов получил под застройку место № 381 в XXX квартале Военного форштата (не форштадта! – О. Г.). Ныне это частично пятно застройки домом № 60 по улице Ришельевской и одновременно № 42 по Большой Арнаутской.

Участок в весьма оживленном и уже обжитом тогда районе ему удалось получить по той причине, что владелец этой недвижимости, грек Златарев, не сумел построить тут планового дома, а лишь землянку. Разумеется, Асвадунов вернул прежнему владельцу затраты на произведенное строение по оценочной стоимости. Домостроительство осуществлялось в 1815-1816 годах, и 1 марта 1817-го, после того как городской архитектор проинспектировал результат и соответствие выданному плану, Асвадунов получил владельческие документы. Тем самым было положено основание эпицентру, условно говоря, армянского района юной Одессы.

Летом 1820 года Строительный комитет утвердил план дома григориопольского гражданина Томаса (в другом случае – Томаша, а на самом деле, надо полагать, Тевоса) Чекалова (в огласовке других архивных документов – Черканова). Черканов – говорящая фамилия, свидетельствующая о традиционном для армян занятии меховщика. Черкан – самострел, используемый в охоте на пушного зверя. Дом этот строился вблизи асвадуновского, в соседнем квартале, на углу улиц Ришельевской и Базарной.

А что же во время пребывания Пушкина в Одессе? Много ли было осевших в городе армян, и где они компактно проживали? Да именно там, где я и предполагал, – в квартале Асвадунова, ограниченном улицами Ришельевской, Большой Арнаутской, Екатерининской и Базарной, а отдельные семейства – в близком соседстве. Эту занимательную информацию непредсказуемо отыскал в журналах Строительного комитета.

Буквально на глазах Пушкина производились первые опыты устройства по главным улицам шоссе, о чем поэт и упоминает: «Но уж дробит камня молот». Так вот в связи с работами по мощению производились значительные перемещения грунта, и при этом не всегда рассчитывался дренаж, в том числе и по Ришельевской улице. Естественно, что после дождей и снеготаянья потоки грязной воды устремлялись с насыпи в соседние дворы. Вот тогда-то обитатели «Армянского квартала» обратились с жалобой в Строительный комитет. Этот сюжет позволяет узнать, что как раз в интересующее нас время здесь помимо Акима Асвадунова недвижимостью владели григориопольские граждане Мегердичи (то есть Мкртич) Асвадунов (брат или близкий родственник), Хачик Сукьянов и одесский купец Федор Качулков. Примерно в эти же годы упоминается еще один владелец недвижимости в центре – Киркор Амаянов.

Архаический ареал расселения в орбите главной базарной площади старой Одессы – Вольного рынка – как будто может свидетельствовать о том, что первые здешние армяне были задействованы исключительно в традиционных сферах торговли и обслуживания. Однако пристальное внимание обнаруживает другие, чрезвычайно важные аспекты участия общины в освоении городских территорий. Откровенно говоря, я этого ожидал, но до поры до времени не располагал надлежащими свидетельствами. Так, одно из архивных дел за сентябрь 1823 года посвящено закреплению за упомянутым выше Черкановым 25 десятин городской земли под садоводство. В первых числах декабря участок на Молдаванской слободке отвели «мещанину Качикову». В первой декаде июля 1824-го еще один участок там же отвели «мещанке Качиковой», явно жене или близкой родственнице. 8 января 1826 года еще один участок в 25 десятин был обзаведен, и перешел в собственность Акима Асвадунова. Это означает, что он получил его несколькими годами ранее и выполнил все условия по высадке оговоренного числа деревьев, кустарников и проч.

Таким образом, первые одесские армяне причастны и к другим традиционным для них видам хозяйственной деятельности – садоводству и огородничеству. Перечень землепользователей, конечно, не ограничивается перечисленными лицами, и я еще

бегло коснусь этой темы. Если проследить «табачную родословную» Асвадуриных – а о знаменитом на всю Россию производстве надо говорить отдельно – то она возьмет отсчет от скромного хутора на одесской периферии.

Много лет назад не без помощи Евгения Михайловича Голубовского опубликовал в «Вечерней Одессе» заметку о хронологически первом тексте, описывающем местных армян. Автор описания, Минас Бжишкянц, хорошо знаком специалистам по истории армянского народа. Не стану здесь подробно останавливаться на его происхождении, статусе и деятельности – это легко «прогуглить». К сожалению, пока нет возможности с большой точностью датировать фрагмент его книги, относящийся непосредственно к Одессе. Условно говорят о середине 1820-х, то есть пушкинском времени, однако участие в его судьбе графа Ланжерона в период пребывания на посту военного губернатора, длительное жительство в Тавриде и другие факты могут свидетельствовать в пользу неоднократного посещения Одессы, в том числе на рубеже 1810-1820-х. Бжишкянц говорит о примерно 30-ти армянских семьях, обитающих в южной части города. Это хорошо согласуется с нашими выкладками об «Армянском квартале».

Считаю необходимым пояснить. В интересующее нас время число горожан было уже на порядок выше, нежели число домовладельцев. А это означает, что формальное число армян-домовладельцев вовсе не равно общей численности армян-горожан. То есть значительная часть частных строений составляли доходные дома, в которых и жили одесситы, лишенные собственной недвижимости.

Тут сам по себе объявляется вовсе иной вопрос. Если исчислять армян, ссылаясь на Бжишкянца и даже на сказанное время, у нас выходит довольно-таки многолюдный квартал – главы семейств, платившие подушную подать, их жены, дети, старики, родня. Это немалая община, а стало быть, должен быть и духовный наставник, и храм. Непременно, бесспорно. Но все, что мы на сегодняшний день знаем по этому поводу, и что бесконечно тиражируется в разных, но фактически копирующих друг друга редакциях, не дает ответа. Да, храм построили, причем в пределах нашего «Армянского квартала», на углу Екатерининской и Базар-

ной улиц. Но это было аж в 1840-х. А что же раньше? Неужто благочестивые люди, отстоявшие веру праотцев в жестоких невзгодах «под турком», за три десятилетия не сподобились обустроить храм? Нонсенс.

Продолжая заниматься историей плановой застройки, держал на прицеле эту проблематику, и в конечном итоге тщание вознаградилось. Другое дело, что подробности необходимо излагать в строго академическом ключе. Оставляю это для монографии об истории градостроительства Одессы. А здесь ограничусь резюме. Был у первых одесских армян свой храм. Разумеется, был. Просто помещался он в частных домах, специально арендуемых «армянским обществом». Это понятно, поскольку даже куда более мощные этнические и религиозные общины много лет наращивали свой потенциал – прежде чем возводили свой благолепный храм. Корректно вспомнить, например, евангелическо-лютеранскую общину или общину так называемых бродских евреев, каковые десятилетиями пользовались арендованными помещениями. Такие храмы в обиходе нередко именовались молитвенными домами.

О том, что армянский храм функционировал в пушкинское время, говорит, например, архивное дело от 3 декабря 1825 года «Об отводе 33-х десятин земли армянскому священнику Киркору Шахию для заведения хозяйства». Это обычная норма отвода участка для христианского священнослужителя, имеющего приход в городе. Какая именно недвижимость арендовалась общиной в самый первый период бытования в Одессе, неизвестно, однако с немалой долей уверенности можно предположить, что служба просто-напросто отправлялась в доме одного из состоятельных армян. А вот далее – понятнее, о чем и архивное дело от 31 декабря 1823 года «О месте, отведенном купцу Коколану для построения Армянской церкви, на Военном форштате, XLVII квартал, № 588».

Это место расположено практически на Старом базаре, по Большой Арнаутской, напротив Успенского переулка. Одесский третьей гильдии купец греческий выходец Димитрий Кириллович Коколани и его супруга Мария Анастасиевна фигурируют в целом ряде архивных документов. В частности, в 1831-м

они строили другой свой дом – на углу Екатерининской и Б. Арнаутской – в том же ареале. Опуская подробности, отмечу пока лишь то, что на генеральном плане Одессы, составленном архитектором Джорджио Торичелли в 1828 году, дом Коколани, предназначенный под армянскую церковь, показан стоящим в глубине обширного подворья, на небольшой площади, как и предполагается храму.

История армянской общины Одессы достойна солидной монографии. Обладаю значительным пластом информации, включая и веселую, развлекательную, и печальную, драматическую. Некоторые сюжеты занимают меня особенно. Скажем, до сих пор не удастся найти даже имя знаменитого армянского борца Хоросанова, регулярно побеждавшего всех заезжих цирковых атлетов еще во времена губернаторства Строганова. Этот легендарный богатырь стал жертвой холеры. Сколько любопытнейших эпизодов связано с одесскими армянами-цирюльниками! Асвадуровы – одно лишь это семейство дает материал для книги. Аргутинские-Долгоруковы и их общественная деятельность в Одессе. Манук-Бей... Есть что исследовать, о чем рассказывать, чем гордиться.

Много лет дружу и тесно общаюсь с представителями армянской диаспоры, настоящими одесситами. По отцовской линии мы с давних пор связаны родственными узами с семейством Тертерян. Часто беседовали о судьбах прежней общины с достойнейшим человеком – покойным Леоном Хачиковичем Калустьяном. Много занимательного узнал от своих друзей – Рубена Ашрафиана, Степана Давтяна, Степана Алекияна, покойного Вагана Ананяна и других.

Я люблю своих друзей. Но мне претят прекраснодушные разговоры (и тосты) о любви, в том числе о любви к Родине, родному городу, разноплеменному братству одесситов. Ценю усилие. Этот текст и есть деятельное признание в любви и уважении к тем, кому мы обязаны рождению и становлению Одессы, и их достойным потомкам. Dixi.